

Рина Беж

ВЫ МОИ!

УДК 82-3
ББК 84-4
Б38

Б38 **Без Р.**
Вы мои! / Рина Без – М.: Литнет, 2026. – 232 с.

ISBN 978-5-521-99218-8

– Ты беременна. – Да, врач мне только что об этом сообщил. – То есть... сама не знала? – Нет. – И что делать собираешься? Смотрю в упор и не моргаю. – В перспективе – рожать, а на данном этапе отстреливать всех желающих предложить мне аборт. – Отстреливать, значит? – двигает челюстью, явно вспоминая наше знакомство в тире и мои девять из десяти попаданий «в яблочко». – Да, – киваю серьезно. – Уверена, не промахнусь. Хмыкает. – Пожалуй, я тоже уверен.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99218-8

© Литнет, 2026
© Р. Без, 2026

Пролог

Плен – это ограничение свободы.

Плен – это угнетение.

Плен – это стресс и постоянная внутренняя борьба с самой собой.

Плен – это зыбучий песок, засасывающий и ломающий.

Плен – это перерождение.

Плен – это время, которое тянется резиной, но позволяет заглянуть внутрь себя и изменить угол зрения на многие привычные вещи, но, главное, на людей, находящихся поблизости. Кого-то отдалив и обесценив, а кого-то втянув в ближний круг.

Я пробыла в неволе пять дней.

Пять самых длинных, почти бесконечных, в моей жизни дней.

Пять самых страшных суток, за которые успела многое передумать и многое испытать, включая телесную боль.

Раньше меня никогда не били и не связывали. Теперь же в моей копилке истязаний имеются и содранные веревками до мяса запястья, за которые похитители подвешивали на крюк, и исполованная ремнем спина, ощущаемая одной сплошной гематомой, пульсирующей красными вспышками бесконечной боли. Так, будто там, сзади, нет ни одного сантиметра здорового тела. Только рана. Одна сплошная полыхающая огнем рана.

А еще слабость от обезвоживания и голода, и, как вишенка на торте, жуткая простуда, вгоняющая в беспамятство и не отпускающая, сколько не пытаюсь ее побороть.

За пять дней я десятки раз мысленно попросила прощения и простилась с обожаемой бабулей – единственным родным человеком на всем белом свете. Поплакала над неудавшейся судьбой, ведь мне так и не довелось стать для кого-то любимой и единственной; не посчастливилось создать семью и родить детишек. И ни единожды заверила свою подругу по несчастью – Ирину Митину – что нисколько не виню ее в собственном похищении.

Да, я изначально была в курсе, что являюсь не целью бандитов, а всего лишь попутным грузом.

Нелепое стечение обстоятельств – оказалась не в том месте не в то время. И а-ух!

Меня схватили за компанию с Ириной, бывшей коллегой, с которой мы вместе работали в юридической конторе. Именно она являлась заказом арабского шейха, сошедшего с ума от славянской красоты и умницы.

А я – той, чьи мучения должны были сломить сопротивление Митиной, вынудить ее согласиться покинуть родину и без вести пропасть на бескрайних пустынных просторах одной из восточных стран.

Я никогда не была белой и пушистой. Адвокатам такое не под силу. Знание законов нам нужно не только чтобы понимать, как их не нарушать, и вкладывать эти знания в головы других, но особенно, как уметь лавировать, их огибая, и попутно вытаскивать за уши клиентов, на чьи шеи нацелен разящий меч Фемиды.

Я никогда не страдала всепрощением. Подставлять правую щеку, если тебя ударили по левой... этот бред точно мной не культивировался. Единственное, на что я могла согласиться, это подставить правую щеку для отвода глаз, и пока обидчик бы замахивался, смачно зарядить ему промеж ног, чтобы искры из глаз полетели.

С Митиной ситуация была пограничной. Я могла как обвинить ее во всех смертных грехах, так и простить.

Уверена, она стойко ждала худшего: моей ненависти, моих криков и обвинений, что не предупредила об опасности, что потащила за собой хвостом в ад, что заставила испытывать боль и муки... и, говоря честно, я вполне могла такое выдать...

Как бы мы не любили других, себя любим больше...

Но все познается в моменте.

Те секунды моего истязания, когда мы смотрели с ней друг другу в глаза, практически ничего не замечая из-за слез, растянулись

не просто в минуты, часы, они стали вечностью. Нашей с ней вечностью на двоих. Когда вред причиняли мне, нанося один за другим удары по незащитной спине, а боль разделялась нами с подругой на двоих. И тишину здания рвал крик не только мой, но и Ирины. И неизвестно, чей звучал громче и пронзительней.

Боль может как разъединять, так и спаивать крепче любых уз. Теперь я знаю это точно.

Раньше у меня была лишь бабушка, теперь же в ближнем круге появилась названная сестра. Та, которая в горящую избу войдет, коня на скаку остановит и собственному горячо любимому брату голову от туловища отвинтит, если он вздумает меня обидеть.

А он вздумает. Специально или нет – другой вопрос.

Просто жизнь в очередной раз сыграет в свою собственную игру, где все мы будем обычными пешками.

Но об этом я узнаю уже позже, когда приду в себя в больнице и пойму, что плен остался позади, мы с Ириной спасены, а впереди... впереди ждет целая жизнь.

Яркая, насыщенная эмоциями и офигенная!

Глава 1

Ольга

– Ольга, рада, что вы очнулись. Меня Рита зовут, я – ваша медсестра, – дружелюбно информирует девушка примерно моих лет в розовом брючном костюме.

Старательно моргаю, чтобы избавиться от мутной пелены, застилающей глаза, и кривлюсь, пытаюсь сделать плотательное движение.

Выходит с трудом.

Горло сухое. Внутри скребет. Язык распух. Не мог же он вырасти, пока я была в отключке? А слюна настолько вязкая, что хоть шарики катать.

Жаль, затея с шариками остается всего лишь затеей. Упадок сил накладывает вето на любые маломальские движения. Даже языком.

Да что там язык, простые вдохи-выдохи и те с трудом даются. Тем более, лежа на животе, когда грудная клетка сдавлена.

Но на данном этапе находиться в кровати иначе невозможно. Либо так, либо на боку.

Последнее, конечно, предпочтительней, но очнулась я именно в положении черепашки. Черепашки, у которой сверху вместо панциря – одна сплошная рана.

Или не одна. И не сплошная. А несколько, но все противно болючие. И это притом, что явно действует обезболивающее.

Господи, и что у меня там?

Сама я наспинной живописи, оставленной моими истязателями, пока не видела. Толком тоже еще ничего знаю, но чувство неприятное: словно я существую отдельно, и эта часть меня – тоже отдельно.

Подгребаю руки поближе к телу, опираюсь на предплечья, напрягаюсь, чтобы хоть немного сместиться вбок, – хочу вдохнуть нормально – и тут же шиплю сквозь плотно стиснутые зубы – ощущение, будто, растягиваясь, кожа на спине лопается.

Мамочки!

Слезы из глаз брызгают.

Хотя откуда бы им взяться, если в организме с жидкостью напряженка, а во рту настоящая пустыня Гоби?

– Оля-Оля, не торопитесь, – подскакивает ко мне медсестра.

Но слава богам, не возвращает в исходное положение, тыча мордой в пол, точнее, лицом в подушку, а помогает довершить маневр и, будто фокусник в цирке, откуда-то извлекает огромную, продолговатую, длиной с человеческий рост подушку для беременных и подсовывает мне под живот.

– Уф!

Состояние – полный ахтунг. Самочувствие аналогичное. А я умудряюсь прыснуть, забыв про желание пореветь и пожалеть себя несчастную.

Ну вот откуда такую прелесть выкопали? Да еще так вовремя. Мы ж в обычной клинике находимся, а не в частном роддоме.

Или я чего-то не знаю? Впрочем, это не столь важно. Главное, я не в той камере, которая и в забытьи преследовала, не оставляя в покое.

– Как вы себя чувствуете, Ольга? – Рита, как детектор лжи, моментально улавливает изменение в эмоциональном фоне и включает сканирование.

Наклоняется ниже, трогает лоб, щупает пульс, убирает растрепавшиеся и упавшие на лицо волосы, поправляет одеяло.

– Как дождевой червяк я себя чувствую, которого не пожалел человеческий ботинок и превратил в лепешку, – сиплю на пределе возможностей. – А после солнышко поглумилось, засушив.

Девушка хмыканьем оценивает юмор.

– Воды дать? – предлагает.

С трудом сглатываю. Было бы неплохо, но...

– Лучше яду.

И ведь нисколько не вру. Состояние отвратительнейшее. А я больше всего ненавижу беспомощность.

Быть слабой – слишком большая роскошь в нашем суровом мире. И доступна она не всем. Лишь тем, у кого есть рядом крепкое плечо, готовое подставиться в сложный момент. У одиночек же подобный бонус отсутствует.

Я из последних.

– Ой, да что вы такое говорите?! – взмахивает руками Рита. – Какой яд, Оленька? Мы с вами пограничный рубеж миновали, теперь с каждым днем будет легче...

Она еще что-то произносит, не особо слушаю. Зато как замороженная дудочкой змея, смотрю на ее косу. Настоящую такую косищу, толстую, светло-русую, раскачивающуюся у меня перед носом.

Давно таких не видела. Красивая. Почти до пояса. А у меня волосы очень темные, чуть ниже плеч. Ничего интересно.

– Вот, пейте, – прорываясь через белый шум, доносится по-прежнему доброжелательный голос медсестры, а в губы настойчиво тычется трубочка. – Это морс, правда, очень сильно разбавленный. Вам сейчас такой полезен. И вообще много пить надо. Температура и боль здорово организм измотали. Но ничего, потихоньку мы и силы, и водный баланс восстановим. Тем более, вы очнулись, и худшее позади.

Цепляюсь за некоторые странные фразы, хочу уточнить про них подробнее. Но каждый глоток кажется настолько божественным, что силой воли я отодвигаю встроенную в мозг каждой женщины любознательность на дальнюю полку и просто пью.

Глоток за глотком.

Вопросы подождут. Пока есть более приятное занятие.

– Я сейчас к вам лечащего врача приглашу, – чирикает Рита, когда через трубочку вместо чудодейственного напитка начинает поступать воздух. – А потом дам еще. И капельницу с витаминчиками поставим.

Глава 2

Ольга

Пока суетливая медсестра исчезает за дверью, осматриваюсь.

Непохоже, что палата принадлежит муниципальной больнице. Даже если платная. Вот ни разу не похоже. В тех я часто бываю.

У бабушки здоровье неважное, да и возраст уже – восьмой десяток давно разменял. Поэтому с ходу подмечаю массу различий. Начиная от наипростейшего – банальной расцветки стен и заканчивая внешним видом персонала.

Последний, к слову, чуть ли не самый говорящий.

В здравницах, находящихся на подсосе у государства, как ни печально признавать, единый бледно-зеленый оттенок у всего – у стен, у формы врачей, даже у лиц медперсонала.

Прискорбное зрелище.

А еще все бюджетные учреждения похожи друг на друга, как братья-близнецы. Их объединяет вьевшийся во всё запах медикаментов, хлорки и кислой капусты из столовки; красивый по бокам и протертый по центру линолеум; лампочки Ильича и ни разу не мытые, но гудящие как растревоженный улей плафоны дневного света; голые окна, хорошо если стеклопакеты, а не советские разошедшиеся рамы; самая дешевая, но обязанная служить десятилетиями мебель и вгоняющие в дрожь и панику санузлы. При виде последних всегда рыдать хочется.

Но главное, это беспросветное уныние и уставшие сотрудники, несмотря на то что едва-едва приступили к работе.

В частных клиниках всё иначе. Атмосфера наполнена доброжелательностью, уютом и умиротворением. Вокруг только что бабочки не порхают.

Хотя, про последнее утверждать со стопроцентной уверенностью не берусь, может, где-то порхают и они.

В целом же все направлено на повышение бодрости духа пациентов и поддержание в них позитива и радости: веселенькая расцветочка стен, штор и формы персонала; качественное освещение, на котором не экономят; индивидуальные палаты с личными санузлами и душевыми; картины в рамах и торшеры на прикроватных тумбах; мягкие кожаные диваны и живые цветы. Обоняние радует легкий цветочный аромат или, на худой конец, запах морозной свежести, а глазам предстают до зависти счастливые лица всех без исключения сотрудников: и медсестер, и врачей, и даже охранников.

Рита, пока не сбежала, тоже меня подобным радовала.

Да. Однозначно, я нахожусь в частной клинике.

От размышлений отвлекает короткий стук в дверь, а спустя пару секунд перед глазами появляется мужчина солидного возраста в идеально отглаженном белоснежном халате. Гусиные лапки у внешних уголков век, открытый взгляд, добрая улыбка и располагающие интонации в голосе — я начинаю доверять ему раньше, чем это осознаю.

— Здравствуйте-здоровье, Ольга Леонидовна. Ну, давайте еще раз знакомиться, голубушка.

Именно в такой интересной манере я узнаю, что передо мной стоит, а затем и сидит в кресле мой лечащий врач Шац Иван Степанович. Ко всему прочему, главный врач и совладелец частной клиники, где меня выхаживают.

— Сколько дней, вы говорите, я у вас нахожусь? — переспрашиваю своего доктора минут через пятнадцать, когда осмотр остается позади и мне понятными фразами объясняют, что спина пусть и болит, но кожа на ней точно уже не лопнет, чего я страшусь.

Однако, к сожалению, шрамы останутся. На пояснице, куда четыре раза из пяти попала пряжка ремня, глубоко порвав кожную ткань, и на запястьях, особенно с внешней стороны.

— Три дня, Оленька, — уверенно повторяет мужчина и, считав на моем лице волнение, поясняет. — Ничего странного в этом нет.